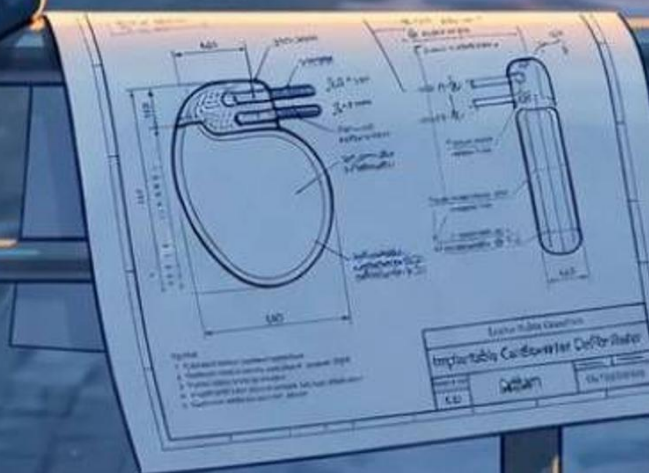


СЕРДЦЕ НА ПРЕДОХРАНИТЕЛЕ

Дани Кейн



Дани Кейн

Сердце на предохранителе

«Автор»

2026

Кейн Д.

Сердце на предохранителе / Д. Кейн — «Автор», 2026

«Марк сражается в этих главах, чтобы я мог продолжать сражаться в реальности». — Дани КейнУ Марка под ключицей зашит титановый «надзиратель». Дефибриллятор сам решает, сколько жизни ему позволено сегодня. Любой рывок — за автобусом, от гнева или радости — отзывается ударом тока. В серых Осиповичах он выучил правила: дышать вполсилы, чувствовать вполголоса и никогда не любить. Но в его стерильный график врывается Катя — хаос и яркая пыль фестиваля Холи. Рядом с ней сердце Марка идет на бунт. Теперь каждый поцелуй — это риск короткого замыкания, а каждое «люблю» может стать последним разрядом. Эта книга — мой манифест. Я наделил Марка своей болезнью, своими «семью разрядами» и ожиданием трансплантации. Пока ты читаешь эти строки, я, как и мой герой, жду звонка из клиники. Это история о том, что безопасная клетка — еще не жизнь. И о том, что один вдох стоит того, чтобы рискнуть всем механизмом. Выжить — не значит остаться в живых.

© Кейн Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Глава 1: Запах скошенной травы и старые кеды	7
Глава 2: Мороженое с привкусом заката и тайны в карманах	9
Глава 3: Пурпурный туман и электрическое предательство	11
Глава 4: Стерильная тишина и вкус железной воды	13
Глава 5: Клуб разбитых сердец: Перегрузка	15
Глава 6: Шёпот ивы и первый запретный танец	17
Глава 7: Костры тщеславия и горечь ночных поездов	21
Глава 8: Пыль дорог и яд сомнения	24
Глава 9: Золотое затишье и клятва у воды	26
Глава 10: Электрический шторм. Семь кругов пепла	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дани Кейн

Сердце на предохранителе

Глава

«Эта книга была написана, чтобы вытеснить боль из сердца на бумагу. Марк сражается в этих главах, чтобы я мог продолжать сражаться в реальности.

Пока мы пишем свою историю – мы живы».

– Дани Кейн

Пролог

Говорят, человеческое сердце размером с кулак. Моё же всегда казалось мне размером с огромный, неповоротливый валун, который я был вынужден катить в гору каждый божий день.

В городке Осиповичи, где железная дорога разрезает тишину на равные части, я жил по расписанию, которое диктовал не я, а маленький титановый коробок под моей левой ключицей. Имплантируемый кардиовертер-дефибриллятор. Мой личный надзиратель. Мой Цербер.

Представьте, что внутри вас живет зверь, который кусает током каждый раз, когда вы пытаетесь просто... жить. Пробежать за уходящим автобусом? Удар. Разозлиться на несправедливость? Удар. Влюбиться так, чтобы перехватило дыхание? Смертельный риск.

Я привык к серому цвету своего лица в зеркале. Привык к сочувственным взглядам матери, сестры и к тому, что мой лучший друг – тонометр. Я был «электриком» поневоле, человеком-батарейкой, чья емкость стремилась к нулю. Моя жизнь была похожа на затянувшийся режим ожидания, пока однажды, в холодном ноябре 2025 года, предохранители не выбило окончательно.

Тот вечер на кухонном полу я помню обрывками. Запах озона. Белая вспышка, разрывающая сознание. Один удар. Второй... Пятый... Семь раз мой Цербер пытался запустить остановившийся мотор, выжигая во мне всё человеческое, оставляя только обугленную волю к жизни. Семь разрядов тока – это цена, которую я заплатил за право выйти из этой комнаты.

Эта книга не о болезни. Она о том, что происходит, когда медицина совершает чудо, а судьба делает тебе подарок из города Гомеля – сердце парня по имени Андрей, который не успел долюбить, но успел спасти.

Вы пройдете со мной этот путь: от стерильных боксов Минска, где я заново учился дышать без страха, до тренажерных залов, где железо в руках помогало забыть о титане в груди. Мы вернемся в Осиповичи, чтобы встретить первую весну без масок, и поднимемся на 21-й этаж минской высотки, чтобы увидеть, как огни большого города отражаются в обручальном кольце той единственной, что не побоялась обнять человека, чье сердце когда-то билось на электричестве.

Меня зовут Марк. И это история о том, как я перестал быть деталью механизма и стал инженером собственной судьбы.

Прислушайтесь. Вы слышите этот ритм?

Тук-тук. Тук-тук.

Это не просто звук. Это победа.

Глава 1: Запах скошенной травы и старые кеды

«Сердце на предохранителе – это всего лишь иллюзия безопасности перед неизбежным взрывом».

–

Дани Кейн

Июнь в Осиповичах всегда начинался внезапно. Вчера еще дул колючий ветер, а сегодня город проснулся в липком, медовом мареве. Воздух дрожал над железнодорожными путями, а во дворах пахло скошенной травой и пылью, которую прибило коротким грибным дождем.

Марк натянул старые, выцветшие кеды. Он любил их за то, что они помнили его еще «прежним» – тем, кто мог пробежать три круга по стадиону и не заметить. Сегодня его «бег» был другим: неспешным, размеренным, почти торжественным.

– Мам, я на карьер с пацанами! – крикнул он, закидывая на плечо легкий рюкзак.

Елена выглянула из кухни. В руках у неё была чашка, а на лице – та самая мимолетная улыбка, которую она разрешала себе только в хорошие дни.

– Телефон заряжен? Вода с собой?

– Всё на базе, мам. Вернусь к ужину.

На улице солнце сразу по-хозяйски положило ладонь на затылок. Марк шел по знакомым улочкам, щурясь от яркого света. Возле старой голубятни его уже ждали. Артем, верный своей привычке опаздывать, ковырялся в цепи велосипеда, а Димка – вечный весельчак в кепке козырьком назад – что-то увлеченно доказывал, размахивая руками.

– О, Марк! Выполз из своей берлоги! – Димка хлопнул его по плечу, но тут же сбавил обороты, сделав это мягко. – Ну что, двинули? На карьере сегодня, говорят, вода – парное молоко.

Они шли медленно. Друзья подсознательно подстраивались под темп Марка, не подавая вида. Они обсуждали всё на свете: новый фильм, который «слили» в сеть, девчонок с параллельного класса, которые вчера устроили фотосессию у фонтана, и то, что в местном магазине завезли те самые чипсы со вкусом краба.

– Слышали, Михалыч из третьего подъезда мопед купил? – Артем наконец справился с цепью и катил велик рядом. – Дымит как паровоз, зато гоняет!

Марк слушал их болтовню и чувствовал, как внутри разливается забытое тепло. В такие моменты Цербер под ключицей словно засыпал, убаюканный нормальной, человеческой жизнью. Никаких тонометров, никаких разговоров о фракциях и миллимолях. Просто три парня идут к воде.

Дорога к карьере пролегла через сосновый бор. Запах хвои был таким густым, что его, казалось, можно было резать ножом. Марк шел, вдыхая этот аромат полной грудью. Одышка

сегодня вела себя прилично – она лишь изредка напоминала о себе легким покалыванием в боку, но Марк умел с ней договариваться. Он просто делал паузу, якобы поправляя шнурок или рассматривая диковинный гриб у корней сосны.

На карьере было людно. Слышались крики детей, всплески воды и музыка из чьей-то колонки. Пацаны скинули майки и с разбегу прыгнули в синюю гладь. Марк остался на берегу. Он сел на поваленное дерево, подставив лицо солнцу.

– Эй, Марк, заходи! Тут мелко, дно – песочек! – крикнул Артем, отплеываясь от брызг.

Марк медленно снял футболку. Под левой ключицей на бледной коже отчетливо выделялся шрам и небольшая выпуклость. Раньше он стеснялся этого «девайса», пытался прикрывать его полотенцем, но сегодня ему было всё равно. Он зашел в воду по колени. Прохлада коснулась ног, смывая дорожную пыль.

Он не нырял. Он просто стоял в воде, глядя на то, как солнечные зайчики пляшут на поверхности. В этот миг он не был «пациентом в листе ожидания». Он был просто Марком. Парнем из Осиповичей, которому нравится лето.

Вечером они возвращались назад, когда тени стали длинными и сиреневыми.

– Завтра в Минск на футбол поедem? – спросил Димка, доедая подтаявшее мороженое.

– Я пас, пацаны, – спокойно ответил Марк.

– У меня... дела в Минске. Консультация плановая.

Друзья понимающе кивнули. Без лишних вопросов, без этой давящей жалости. Просто приняли как факт.

Когда Марк вернулся домой, в квартире пахло жареной картошкой. Он сел за стол, чувствуя приятную усталость в мышцах.

– Как погуляли? – спросила Елена, ставя перед ним тарелку.

– Отлично, мам. На карьере были. Красота там.

Он взял вилку, потянулся за солью и вдруг замер. Рука не дрожала. Давление в голове не стучало. Он просто жил. Обычный день, обычный вечер. И где-то на самом краю сознания промелькнула мысль: «Может, врачи ошибаются? Может, всё само наладится?».

Он не знал, что эта безмятежная июньская тишина – лишь передышка перед тем, как судьба решит проверить его предохранитель на прочность. Но сегодня... сегодня он был просто счастлив.

Глава 2: Мороженое с привкусом заката и тайны в карманах

Вечер после карьера не закончился домашними посиделками. Осиповичи в июне – это город, который не хочет спать, он дышит пыльным зноем и предвкушением чего-то несбыточного. Когда жара спадает, на улицы вываливает вся молодежь, и главная площадь превращается в подиум, где каждый второй – твой знакомый, а каждый третий – потенциальный герой истории.

– Марк, ну ты чего застрял? Погнали к «Центральному», там девчонки из медколледжа обещали подойти, – Димка уже вовсю сигнализировал звонком своего велосипеда у подъезда. Его старый «Аист» скрипел на всю улицу, сопровождая вечерним сверчком.

Марк быстро глянул в зеркало. Светлая футболка, взъерошенные после купания в карьере волосы, в глазах – азарт. Он чувствовал себя на удивление легким. Усталость после воды была приятной, тягучей, как ириска. Он выскочил на улицу, и теплый вечерний ветер тут же ударил в лицо запахом петуний с клумб и бензина от проезжающих машин.

У «Центрального» было шумно. Музыка из открытых окон «Приор», смех, бесконечное щелканье семечек и запах дешевого парфюма. Артем уже вовсю очаровывал двух подруг, картинно поправляя воротник рубашки и рассказывая им небылицы о своих мифических подвигах на турниках.

– О, а вот и наш философ! – Артем махнул рукой Марку, прерывая свой рассказ на полуслове. – Знакомьтесь, девчонки, это Марк. Он у нас самый загадочный парень в районе. Если замолчит дольше чем на минуту – значит, познал дзен.

Девчонки – Катя и Оля – заулыбались. Катя была особенной: копна рыжих кудрей, веснушки, рассыпанные по носу, как созвездия, и дерзкий взгляд. Она протянула Марку вафельный рожок с фисташковым мороженым, который уже начал подтаивать, пуская тонкую зеленую струйку по её пальцам.

– Держи, философ. А то растает быстрее, чем ты успеешь выдать какую-нибудь глубокую мысль о бренности бытия.

Они гуляли по парку до самых глубоких сумерек. Фонари зажигались один за другим, выхватывая из темноты облупившиеся скамейки и сонные кроны лип. Марк шел рядом с Катей, стараясь держать темп. Они обсуждали всё на свете: новую инди-группу, которую Катя нашла в сети, спорили о том, какой сериал про зомби круче, и Марк поймал себя на мысли, что он ни разу за вечер не коснулся рукой ключицы. Он забыл. Просто взял и стер из памяти тот факт, что внутри него есть что-то лишнее, что-то металлическое и холодное.

– Знаешь, – Катя вдруг остановилась у старого фонтана, который лениво плевался водой в щербатую чашу, – ты какой-то другой. Все пацаны вокруг пытаются казаться громче, круче, постоянно что-то доказывают. А ты... ты как будто всё про всех уже знаешь. Будто у тебя в кармане есть разгадка к какому-то важному секрету.

Марк замер. Сердце в груди работало ровно, почти неслышно. На мгновение ему дико захотелось рассказать ей всё. Про белые коридоры, про «штормы», про Цербера и про то, что его жизнь – это лотерея, где тираж происходит каждую секунду. Но он посмотрел на её улыбку, на то, как последние лучи заходящего солнца играют в её волосах, превращая их в живой огонь, и передумал.

– Просто я научился ценить тишину, – ответил он, осторожно надкусывая хрустящий рожок. – В ней больше правды, чем в криках.

– Красиво завернул, – Катя легонько толкнула его плечом. – Слушай, завтра суббота. В Минске на стадионе «Трактор» будет фестиваль красок Холи. Поехали с нами? Вся наша банда собирается. Будет музыка, танцы, куча народа и столько красок, что нас потом собственные мамы не узнают.

Марк почувствовал, как внутри него вспыхнуло предвкушение. Настоящее, юношеское «хочу».

– Поехали, – вырвалось у него раньше, чем внутренний голос успел напомнить о тонометре, пятнадцати таблетках и запрете на чрезмерные нагрузки. – Почему бы и нет? Один раз живем.

Глава 3: Пурпурный туман и электрическое предательство

Субботнее утро в Минске взорвалось жарой и драйвом. Стадион «Трактор» превратился в кипящий котел из музыки, смеха и разноцветной пыли. Тысячи людей прыгали в такт оглушительным басам, и над толпой то и дело взмывали облака краски, окрашивая небо в немислимые цвета.

Марк был в самом эпицентре. Его когда-то белая футболка уже превратилась в абстрактное полотно: синие разводы на плечах, зеленые на животе. Катя, смеясь и задыхаясь от восторга, запустила в него пригоршню ярко-пурпурного порошка. – Получай, Марк! Ты теперь официально мой личный аватар!

Музыка качала так, что земля уходила из-под ног. Марк прыгал вместе со всеми, подбрасывая руки вверх. Адреналин бурлил в крови, сжигая все остатки осторожности. Он кричал припев песни вместе с толпой, чувствуя, как его собственное сердце вписывается в этот мощный, первобытный ритм. Это был апогей его свободы – момент, когда он поверил, что болезнь отступила, испугавшись его жажды жизни.

Но мир вокруг вдруг начал меняться. Ритм музыки остался прежним, но Марк перестал его слышать. Звуки стали ватными, далекими, словно он внезапно оказался в глубоком колодце. Грохот басов больше не качал толпу – он начал бить Марка прямо в грудную клетку, но удары шли изнутри, разрывая легкие.

Марк остановился. Улыбка на его лице, испачканном пурпурной краской, медленно погасла.

Тик... Тик... Тик-тик-тик-тик...

Его сердце не просто забило быстрее – оно сорвалось в безумный, хаотичный галоп, напоминающий работу сломанного двигателя. Это была фибрилляция – тот самый «срыв», страшный сон любого сердечника. В глазах потемнело, яркий стадион начал схлопываться в узкий туннель.

– Марк? Эй, Марк, ты чего? – голос Кати доносился как будто сквозь толщу воды. Она схватила его за локоть, и её веснушки на мгновение показались ему черными дырами на лице.

Он попытался вдохнуть, но воздух был густым и горячим, как раскаленный свинец. Он знал этот симптом. Он знал, что произойдет через несколько секунд. В носу отчетливо запахло озоном – резким, металлическим запахом короткого замыкания.

– Катя, отойди... – Марк попытался оттолкнуть её, но руки были как плети. – Отойди от меня, сейчас будет...

Он не успел договорить. Цербер внутри него проснулся. Встроенный компьютер зафиксировал критический ритм – 240 ударов в минуту. Время на раздумья у программы не было.

УДАР.

Это не было похоже на медицинскую процедуру. Это было похоже на взрыв гранаты прямо в центре груди. Марк подбросило в воздух, всё его тело выгнулось дугой, как в конвульсии. Ослепительная белая вспышка перед глазами стерла все краски фестиваля, превратив мир в выжженную пустыню. Боль была такой силы, что разум на секунду просто выключился, срабатывая как предохранитель, чтобы он не сошел с ума от шока.

Толпа вокруг продолжала танцевать. Люди, одурманенные музыкой и красками, не заметили парня, рухнувшего в разноцветную пыль. Только Катя, вскрикнув, упала рядом с ним на колени.

- Помогите! Кто-нибудь, врача! Ему плохо!
- её голос терялся в реве колонок.

Марк лежал на спине, глядя в бездонное синее небо. Пурпурная пыль медленно оседала на его полуоткрытые веки. Сердце в груди всё еще билось в судорогах, оно не хотело возвращаться в ритм. Аппарат выждал положенную паузу.

ВТОРОЙ УДАР.

Менее мощный, но добивающий. Тело снова свело судорогой, пальцы впились в сухую траву стадиона. Марк почувствовал металлический вкус во рту – он прикусил язык во время разряда. Кровь смешалась с пурпурным порошком, стекая по подбородку.

Мир начал вращаться. Сирены скорой, пробивающиеся сквозь толпу, испуганные лица охранников, Катя, рыдающая и размазывающая краску по лицу...

- Что с ним? Наркотики? Передоз? – голос врача скорой, пробившегося к ним, был сухим и резким.

– Нет... у него сердце... аппарат... ИКД! – Катя тряслась всем телом, её ладони были перепачканы в крови Марка.

Когда его грузили на носилки, Марк на мгновение пришел в себя. Он увидел Катю – испуганную, потерянную, всю в разноцветных пятнах, ставшую похожей на привидение.

Он хотел сказать ей, что это не её вина, что он сам пошел на этот риск, что это просто «плановая проверка связи»... но вместо слов из его груди вырвался лишь тяжелый, kloкочущий хрип.

Лето закончилось в одну секунду. Фестиваль Холи навсегда останется для него пахнуть жженой изоляцией и страхом. Цербер выполнил свою работу. Он спас своего хозяина, выдернув его из объятий смерти. Но цена этого спасения была слишком высока. В этот вечер, под звуки уходящей музыки, Марк понял: его «предохранитель» может сработать в любой момент, и никакая воля к жизни не защитит его от собственной техники.

Глава 4: Стерильная тишина и вкус железной воды

Минская больница пахла иначе, чем стадион «Трактор». Там была жизнь, пот и сладкая пыль красок. Здесь – хлорка, спирт и застоявшийся страх, который даже побелку на потолке. Марк лежал в палате интенсивной терапии, глядя на мерный бег зеленой точки на мониторе.

Пик... Пик... Пик...

Ритм был ровным. Скучным. Правильным. После двух ударов дефибриллятора сердце смирилось и теперь покорно отрабатывало положенные удары, словно избитый пес, который боится лишний раз поднять голову. Марк чувствовал себя так, будто по нему проехал товарный состав. Мышцы груди горели – ожог от внутренних электродов давал о себе знать при каждом вдохе.

– Очнулся, «аватар»? – раздался тихий голос с соседней койки.

Марк с трудом повернул голову. Олег. Тот самый Олег, который вечно тасовал карты и знал все сплетни отделения. Сейчас он выглядел неважно: лицо серое, под глазами тяжелые мешки, но в глазах всё то же насмешливое искрение.

– Почему «аватар»? – хрипло спросил Марк. Горло саднило после кислородной маски.

– Так тебя когда привезли, ты весь фиолетовый был. Врачи сначала подумали – цианоз дикий, задыхаешься. А потом пальцем провели – краска. Санитарки полчаса тебя оттирали, ругались, что всё белье испортил.

Марк попытался улыбнуться, но прикушенный язык отозвался резкой болью.

– Фестиваль... красок. Холи.

– Холи-не-холи, а Цербер твой молодец. – Олег посерьезнел.

– Врачи сказали, ЧСС была под 250. Если бы не аппарат, ты бы там, на стадионе, и остался красивым памятником молодежной культуре.

В палату вошла медсестра – молодая девушка с уставшими глазами. Она привычно проверила капельницу, поправила датчик на пальце Марка и подала ему поильник с водой. Вода была ледяной и отдавала железом – вкус, который Марк теперь ненавидел почти так же сильно, как запах озона.

– Мама звонила? – спросил он, сделав глоток.

– Каждые пятнадцать минут звонит, – ответила медсестра. – Доктор разрешит ей зайти вечером, когда переведут в общую палату. И девчонка какая-то рыжая под дверями сидела три часа. Плакала. Еле выставили.

Марк закрыл глаза. Катя. Она увидела то, что никто не должен видеть в двадцать лет. Она увидела изнанку его «философии» – конвульсии, вспышки тока и синие губы. Он чувствовал вину. Такую тяжелую и липкую, что она давила на грудь сильнее, чем ожог от ИКД.

– Не грузись, малый, – подал голос Олег. – Женские слезы – это антисептик для души. Пусть поплачет.

Зато теперь знает, что ты не просто «загадочный парень», а парень с секретом на миллион вольт.

Глава 5: Клуб разбитых сердец: Перезагрузка

К вечеру Марка перевели в обычную палату. 402-я. Та самая, где солнце заливало подоконники. Аня уже ждала его там (девушка из соседней палаты). Она сидела на своей кровати, перебирая четки – её новый способ справляться с тревогой.

– Ты живой, – это было не вопросом, а констатацией факта. Она подошла к его койке и осторожно, будто он мог рассыпаться, коснулась его руки. – Я слышала, что случилось в Минске. По всем этажам слух прошел про «мальчика в красках».

– Плохие новости летают быстрее, чем скорая, – Марк заставил себя сесть, опираясь на подушки.

– Глупо вышло, Ань. Поверил, что я нормальный. Решил попрыгать, как все.

– Мы все в это верим иногда, – Аня присела на край кровати.

– Я вчера тоже... съела шоколадку, которую нельзя. А потом полночи слушала, как сердце колотится. Мы как дети, которые пробуют лед на прочность.

В палату заглянул Олег, шаркая тапочками по линолеуму.

– Ну что, собрание акционеров «Корпорации ТИК-ТАК» объявляю открытым. У нас повестка дня: как не сдохнуть от скуки и дождаться Звонка.

Они просидели так до самого отбоя. Марк рассказывал про Катю, про то, как она дала ему фисташковое мороженое, и как он теперь боится смотреть ей в глаза. Олег травил байки про своих бывших жен, которые «не выдержали ритма его сердца», а Аня просто слушала, иногда вставляя тихие, но мудрые замечания.

В этой стерильной комнате, среди капельниц и тонометров, Марк вдруг понял одну вещь. Его друзья в Осиповичах – Артем, Димка – они классные, но они никогда не поймут вкуса этой железной воды. А здесь, в 402-й, была его настоящая стая. Клуб разбитых сердец, где не нужно было ничего объяснять.

– Знаешь, Марк, – сказала Аня, когда Олег ушел к себе, – после того, как тебя ударило... я перестала бояться аппарата. Я увидела, что он делает больно, да. Но он оставляет тебя здесь. С нами. И это важнее.

Марк посмотрел на свои 15 таблеток, которые медсестра уже принесла на ночной прием.

– Наверное, ты права. Лучше чувствовать боль, чем не чувствовать ничего.

Ночью ему приснился стадион. Но краски там были не пурпурными, а золотыми. И вместо грохота басов он слышал ровный, мощный стук – тук-тук, тук-тук. Это было его новое сердце. Оно билось так уверенно, что Марк во сне начал смеяться.

Он проснулся от того, что его собственное сердце снова «споткнулось». Он привычно замер, прислушиваясь к тишине под ключицей. Цербер спал. Но Марк знал: теперь он будет ждать не только Звонка. Он будет ждать момента, когда сможет снова выйти к Кате и сказать ей правду. Всю правду, без фильтров и красивых слов.

Лето продолжалось, но теперь оно было другого цвета. Цвета надежды, замешанной на страхе и железной воде.

Глава 6: Шёпот ивы и первый запретный танец

После выписки из Минска Осиповичи встретили Марка удушливым, липким маревом июля. Город словно застыл в ожидании грозы, которая всё никак не решалась пролиться. Воздух был густым, как сироп, и пах пылью, разогретым асфальтом и спелой вишней, которая уже начала осыпаться в соседских садах. Марк шел по своей улице, и каждый шаг давался ему с каким-то странным трудом – не физическим, нет, после больницы он чувствовал себя «подланным», но психологически он всё еще был там, на стадионе «Трактор», в облаке пурпурной пыли.

Он зашел в свою комнату, бросил рюкзак на пол и первым делом подошел к зеркалу. Снял футболку. Шрам под левой ключицей потемнел, стал рельефным, похожим на след от укуса какого-то механического зверя, который решил поселиться у него под кожей. Марк осторожно провел пальцами по выступу ИКД. Холодный титан. Его личный Цербер. Сегодня он вел себя тихо, но Марк знал – этот зверь никогда не спит.

– Марк, к тебе пришли! – Голос матери из коридора прозвучал непривычно звонко, в нем не было той вечной тревожной нотки, которая преследовала её последние годы.

На пороге стояла Катя. Она была в коротком белом сарафане на тонких лямках, который делал её похожей на одуванчик, готовый разлететься от малейшего дуновения ветра. Копна рыжих волос была небрежно заколота на макушке карандашом, а в руках она сжимала небольшой сверток, обернутый в крафтовую бумагу.

– Привет, Аватар, – тихо сказала она. Её глаза, зеленые, как молодая трава, внимательно изучали его лицо. Она искала следы того ужаса, который видела на стадионе. – Я... я принесла тебе книги. Сказали, тебе пока нельзя долго на открытом солнце, вот я и подумала... Тут Брэдбери и еще кое-что из фантастики.

Они решили пойти к реке, в то единственное место в Осиповичах, где тень была по-настоящему глубокой и прохладной. Старая плакучая ива у самого берега была их секретным убежищем. Её ветви каскадами спускались к самой воде, создавая живой шатер, внутри которого время словно замедляло свой бег.

Они уселись на мягкую, примятую траву. Катя начала распаковывать книги, рассказывая о том, что происходило в городе, пока его не было. Она говорила быстро, глотая слова, словно боялась, что если наступит тишина, то вернется тот страшный звук сирен.

– Знаешь, – она вдруг замолчала и посмотрела на реку, где лениво плавали кувшинки, – когда тебя увозила скорая, я стояла там, вся в этой дурацкой синей краске, и думала: «Господи, только бы он открыл глаза». Я ведь даже не знала, что у тебя... ну, что ты носишь это в себе.

– Я не хотел, чтобы ты знала, Кать, – Марк сорвал стебель сухой травы и начал вертеть его в пальцах. – Никто не хочет быть «парнем с прибором». Это как будто на тебе ценник висит: «Брак, осторожно при транспортировке». Я хотел быть обычным. Чтобы ты смотрела на меня и видела Марка, а не Лист ожидания.

Катя придвинулась ближе. От неё пахло земляничным мылом и чем-то неуловимо теплым, девичьим. Она осторожно, едва касаясь, положила свою ладонь на его руку. Её пальцы были тонкими и прохладными.

– Ты и есть Марк. Самый странный и настоящий парень, которого я встречала. Думаешь, я из-за шрама с тобой общаюсь? Дурак ты, Марк.

Она достала телефон и включила музыку. Это была какая-то старая, обволакивающая джазовая мелодия, тихая и тягучая, как вечерний мед. Звуки саксофона поплыли над водой, путаясь в ветвях ивы.

– Потанцуем? – спросила она, и в её глазах вспыхнул озорной огонек.

– Кать, ты чего? Какой танец? – Марк нервно усмехнулся. – Мне врачи прописали режим «ленивого ленивца». Никаких нагрузок, пульс не выше восьмидесяти.

– Это не нагрузка. Это терапия. Я буду вести, обещаю. Просто встань и обними меня. Это ведь не запрещено протоколом?

Марк медленно встал. Ноги слегка подрагивали – то ли от слабости после больницы, то ли от волнения, которое было опаснее любого бега. Он положил руки ей на талию. Она была такой тонкой, что казалось, его пальцы могут сомкнуться за её спиной. Катя положила голову ему на плечо, и её волосы щекотали ему щеку.

Они начали медленно покачиваться в такт музыке.

Это не был танец в обычном понимании – это было совместное дыхание. Один шаг вправо, один шаг влево. Марк чувствовал, как его сердце начинает подстраиваться под этот ритм. Оно не пускалось в галоп, оно просто стало биться чуть глубже, наполняя грудную клетку теплом. Под его ладонями он чувствовал, как она дышит. В этот момент Цербер под ключицей словно уснул, убаюканный этой близостью. Не было больничных коридоров, не было тех пятнадцати таблеток, что ждали его дома в пластиковой коробочке. Была только эта ива, запах реки и девушка, которая не боялась его «сломанного» сердца.

– Знаешь, о чем я мечтаю? – прошептала она ему в плечо.

– О чем?

– О том дне, когда ты позвонишь мне и скажешь: «Катя, собирайся, мы идем в поход на неделю. И я сам буду нести твой рюкзак».

Марк горько улыбнулся. – Для этого мне нужно получить «Звонок». Тот самый, из Минска. А пока я могу только нести твое мороженое, и то, если оно не слишком тяжелое.

– Значит, будем ждать вместе, – она подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. В этот момент расстояние между ними сократилось до минимума.

Мир вокруг перестал существовать. Не было шума проезжающих по мосту машин, не было криков детей на дальнем пляже. Была только пульсация жизни. Марк склонился к ней, и их губы встретились. Это был его первый настоящий поцелуй – осторожный, пахнувший мятой

и страхом. В этот миг он почувствовал себя абсолютно здоровым. Электричество больше не было его врагом, оно стало связующим звеном.

Но идиллия взорвалась резким звуком. Треск сучьев и громкий, нарочито грубый смех разрушили тишину.

– Ну и ну! Картина маслом: «Спящая красавица и её электрокардиостимулятор»!

Из кустов вышел Артем. Он выглядел вызывающе здоровым в своей обтягивающей майке, с велосипедом, который он катил одной рукой. Его лицо было искажено гримасой, в которой смешались насмешка и жгучая, неприкрытая обида. Артем считал Катю «своей территорией» еще с восьмого класса, и видеть, как она обнимает «этого больного», было для него личным оскорблением.

– Артем, ты что здесь забыл? – Катя резко отстранилась от Марка, её лицо вспыхнуло пунцовым цветом.

– Да вот, проезжал мимо, решил проверить, не пора ли Марку менять батарейки. А то, смотрю, он тут совсем перегрелся. Марк, ты осторожнее, – Артем сделал шаг вперед, вторгаясь в их личное пространство, – любовь – это ведь тоже нагрузка. Смотри, как бы у тебя там предохранитель не вышибло прямо в процессе. А то Катя испугается, придется мне её утешать.

Марк почувствовал, как внутри него закипает холодная ярость. Адреналин – самый опасный наркотик для его состояния – ударил в голову. Пульс начал частить, и под ключицей появилось знакомое покалывание.

– Иди куда шел, Артем, – голос Марка был тихим, но в нем прорезались стальные нотки. – Мой предохранитель – это мое дело. А Катя – не вещь, чтобы её утешать по расписанию.

– Ого, голос прорезался! – Артем бросил велосипед на траву и подошел вплотную. Он был выше и шире в плечах, и Марк на его фоне казался прозрачным. – Ты думаешь, ты ей реально нужен? Да она с тобой из жалости возится. Знаешь, как это называется? Благотворительность. Помощь инвалидам. Катя у нас добрая, она и котенка хромого подберет, и тебя.

– Заткнись! – выкрикнула Катя. Её руки дрожали. – Уходи отсюда сейчас же!

– Ухожу, ухожу, – Артем поднял руки в притворном жесте капитуляции. – Но ты подумай, Катюха. Жизнь – она короткая. Хочешь провести её, считая чужие таблетки? Марк, до встречи. Смотри не сломайся по дороге домой.

Артем вскочил на велик и рванул прочь, обдав их пылью из-под колес. Тишина вернулась, но она уже не была лечебной. Она была отравлена словами Артема. Марк стоял, сжимая кулаки, и чувствовал, как его новое, хрупкое счастье дает трещину.

– Не слушай его, – Катя подошла и попыталась обнять его, но Марк слегка отстранился.

– А что, если он прав, Катя? Что, если ты действительно просто... очень добрая?

– Марк, посмотри на меня! – Она заставила его встретиться с ней взглядом.

– Я здесь не из-за диагноза. И не из-за жалости. Я здесь, потому что мне с тобой интересно так, как ни с кем другим. Потому что ты видишь мир глубже.

Потому что я хочу быть рядом, когда раздастся этот чертов Звонок. Понял?

Марк кивнул, но червь сомнения уже начал свою работу. Вечер перестал быть золотым. Ива больше не шептала секреты, она просто роняла тени на воду. Они пошли домой молча. Марк шел, вслушиваясь в стук своего сердца, и впервые за долгое время этот стук казался ему не музыкой жизни, а тиканьем бомбы замедленного действия, которую Артем только что завел своими словами.

Дома Марк первым делом выпил свои вечерние таблетки. Пять штук. Пять белых стражей его спокойствия. Он лег в кровать, глядя на темный потолок, и думал о том, что любовь в его состоянии – это самый экстремальный вид спорта. Сложнее, чем марафон. Опаснее, чем прыжок с парашютом. Потому что здесь на кону не только его жизнь, но и сердце той, кто решила разделить с ним это ожидание.

Глава 7: Костры тщеславия и горечь ночных поездов

Середина июля в Осиповичах ознаменовалась традиционными «ночными сменами» молодежи. Когда солнце лениво сползло за горизонт, окрашивая небо в цвета спелого персика, вся компания собиралась на «Пяточках». Это было заброшенное место за старым депо, где ржавели остовы вагонов, а трава росла выше человеческого роста. Там жгли костры, пили дешевый лимонад из двухлитровых бутылок и пели песни под гитару, звук которой тонул в гудках проходящих мимо товарняков.

Марк и Катя теперь были неразлучны. Это раздражало многих, но больше всех – Артема. Он не мог смириться с тем, что «электрический мальчик» украл у него главную красавицу компании. Артем затаил обиду, которая, как дурное вино, с каждым днем становилась только кислее.

В один из таких вечеров костер горел особенно ярко. Искры взмывали в черное небо, смешиваясь со звездами. Димка терзал струны старой «Ямахи», выпевая что-то из русского рока, а Катя сидела, положив голову на плечо Марка. В этот момент всё казалось идеальным.

– Слышь, народ! – Артем, который до этого сидел в тени, вышел к огню. В руках у него была банка энергетика, которую он демонстративно смял. – А давайте устроим состязание? Кто дольше провисит на той перекладине у депо? На интерес. Кто проиграет – тот предоставляет всем мороженое.

– Артем, уймись, – лениво бросил Димка.

– Жара такая, какие турники?

– А что, слабо? – Артем посмотрел прямо на Марка.

– Или у нас тут есть те, кому мама не разрешает ручки напрягать? Марк, ты как? Примешь вызов? Или твой Цербер запрещает тебе даже подтягиваться?

Марк почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он знал, что это провокация. Знал, что ему категорически нельзя давать такую нагрузку на плечевой пояс – электроды ИКД могли сместиться или повредиться. Но взгляды всей компании были устремлены на него. В этих взглядах он читал ожидание.

– Ему нельзя, Артем. Ты же знаешь, – Катя сжала руку Марка.

– Вот об этом я и говорю! – Артем победно обернулся к остальным. – Посмотрите на него. Наш герой на поводке. Шаг вправо, шаг влево – и Катя уже бежит за валидолом. Марк, тебе самому-то не тошно? Быть декоративным парнем?

Внутри Марка что-то оборвалось. Та самая «философия спокойствия», которую он выстраивал годами, рухнула под тяжестью уязвленного мужского самолюбия. Он встал, стряхивая руку Кати.

– Ладно, Артем. Погнали. Один раз – не пересадка.

– Марк, нет! Ты с ума сошел? – Катя вскочила вслед за ним, но он даже не обернулся.

Они подошли к ржавой перекладине. Артем запрыгнул первым. Он висел долго, играя мышцами, демонстрируя свою мощь и превосходство. Провисел три минуты, спрыгнул и с вызовом посмотрел на Марка.

– Твой выход, киборг.

Марк подошел к турнику. Холодный металл обжег ладони. Он подтянулся и замер. Каждая секунда виса отдавалась тянущей болью в месте, где был зашит аппарат. Ему казалось, что провода внутри него натягиваются, как струны, готовые лопнуть. Сердце начало колотиться в горле. Десять секунд... двадцать... тридцать... Перед глазами поплыли круги. Одышка, его вечная спутница, вцепилась в горло. Он видел испуганное лицо Кати и торжествующую ухмылку Артема. На сороковой секунде Марк почувствовал резкий укол под ключицей. Это было предупреждение. Цербер проснулся.

Он разжал пальцы и рухнул в пыль. Дыхание со свистом вырывалось из груди. – Сорок секунд, – Артем сплюнул. – Ну, для инвалида неплохо. Иди, Катюха тебя пожалует.

Катя подбежала к нему, пытаясь помочь подняться, но Марк грубо оттолкнул её руку. – Не надо! Я сам! – Он встал, пошатываясь. Гнев на самого себя был сильнее физической боли. – Я сам, понятно?

Он ушел прочь от костра, в темноту железнодорожных путей. Катя бежала за ним, спотыкаясь о шпалы.

– Марк, остановись! Ты же мог всё испортить! Зачем ты повелся на его слова?

– Затем, что я не хочу быть твоим проектом!

– Он обернулся, и в свете далекого семафора его лицо казалось маской. – Артем прав. Ты со мной, потому что тебе нравится спасать. Тебе нравится быть нужной, нравится чувствовать себя героиней романа о несчастном парне.

А я хочу быть просто мужиком, Катя! А не набором запчастей, который нужно оберегать от каждого сквозняка!

– Ты идиот, Марк... – Катя плакала, размазывая тушь по щекам. – Я люблю тебя не за то, что ты болен. Я люблю тебя вопреки этому! Но если ты сам себя ненавидишь, то как я могу тебе помочь?

– Мне не нужна помощь! – выкрикнул он, и звук его голоса утонул в грохоте проносимого мимо товарного поезда. Состав летел на Минск, сотрясая землю, и Марку на мгновение захотелось оказаться в одном из этих вагонов, уехать туда, где его никто не знает, где он не будет «электрическим мальчиком».

Они стояли по разные стороны железнодорожного полотна, разделенные этим грохочущим железным зверем. Когда поезд прошел, Кати уже не было. Она ушла в сторону города. Марк остался один на путях. Он сел на рельс, который еще вибрировал от прохода состава, и закрыл лицо руками. Пульс постепенно приходил в норму, но в душе была выжженная пустыня. Он понял, что его главная битва – не с Артемом и даже не с сердцем. Его главная битва – с тем монстром внутри, который шепчет, что он недостойн счастья, пока он не станет «целым».

Этой ночью он долго не мог уснуть. Он слушал, как тикают часы, и ему казалось, что каждый удар – это отсчет времени до момента, когда Катя окончательно поймет: Артем был прав. И это ожидание было страшнее любого «электрического шторма».

Глава 8: Пыль дорог и яд сомнения

Утро после инцидента на путях встретило Марка тяжелой, чугунной головой. Солнце пробивалось сквозь занавески, выхватывая пылинки, танцующие в воздухе, но в комнате было душно и пахло лекарствами – мать ночью, услышав его тяжелое дыхание, всё-таки заставила выпить двойную порцию успокоительного.

Марк сел на кровати, чувствуя, как ноет плечо. Мышцы, не привыкшие к нагрузке, мстили за вчерашний демарш на турнике. Он долго смотрел на свой телефон. Экран был девственно чист: ни одного сообщения от Кати, ни одного пропущенного. Пустота. Эта цифровая тишина давила на уши сильнее, чем гул товарняка.

– Пошел ты, Артем, – прошептал Марк, швыряя телефон на подушку.

Он оделся и вышел на улицу. Ему нужно было движение, хотя бы медленное, чтобы разогнать застои в легких. Осиповичи в этот час были сонными. Старики на скамейках обсуждали цены на рынке, коты лениво шурились из подворотен. Марк брел в сторону центра, сам не зная зачем, пока не увидел их.

У входа в Соседи стоял Артем. Он прислонился к своей блестящей машине – старой, но вылизанной до блеска «Ауди», – и о чем-то увлеченно говорил с Катей. Она стояла спиной к Марку, но он узнал бы её рыжие кудри из тысячи. Артем смеялся, и в какой-то момент он накрыл своей огромной ладонью её руку, лежавшую на капоте. Катя не отдернула её сразу. Она что-то тихо ответила, опустив голову.

Внутри Марка словно сработал детонатор. Адреналин, который должен был быть его злейшим врагом, сейчас стал единственным топливом. Он не подошел – он почти добежал до них, забыв об одышке и запретах врачей.

– Катя! – Его голос сорвался на хрип.

Она вздрогнула и резко обернулась. Её глаза были красными, видимо, она тоже не спала всю ночь.

– Марк? Ты что здесь делаешь? Тебе же нужно лежать после вчерашнего...

– А тебе, я смотрю, очень весело обсуждать мое состояние с этим... – Марк кивнул на Артема, который уже вовсю ухмылялся, чувствуя свое превосходство.

– О, смотрите, великий мученик сошел с креста! – Артем небрежно поправил зеркало машины.

– Марк, расслабься. Мы просто говорили. Катюха переживает, что ты у нас такой... нестабильный. Спрашивала, не нужно ли тебе помочь с лекарствами из Минска привезти, у меня то колеса есть, в отличие от некоторых.

– Мне не нужна твоя помощь, Артем. И твои колеса тоже, – Марк шагнул к Кате. – Зачем ты с ним говоришь? После всего, что он наговорил вчера?

– Марк, перестань! – Катя всплеснула руками. – Он просто предложил помощь! Я боюсь, понимаешь? Я боюсь, что в следующий раз, когда ты решишь что-то доказать, рядом не будет врачей. Я просила его просто приглядывать за тобой, когда меня нет рядом...

– Следить за мной? – Марк почувствовал, как мир вокруг начинает окрашиваться в багровые тона. – Ты наняла мне няньку? Из всех людей в этом городе ты выбрала именно его? Того, кто спит и видит, как я загнусь?

– Это не так! – выкрикнула Катя, и прохожие начали оборачиваться. – Ты ведешь себя как эгоист! Ты думаешь только о своей гордости, а я думаю о том, чтобы ты дышал завтра утром!

– Если цена моего дыхания – твоя жалость и его надзор, то лучше не дышать вовсе, – ледяным тоном произнес Марк.

Он развернулся и пошел прочь, не оглядываясь. В спину ему летел смех Артема и тихий плач Кати. Он шел быстро, не замечая, как сердце начинает давать перебои. Под ключицей возникло ощущение раскаленного гвоздя – Цербер фиксировал критический подъем давления.

Весь остаток дня он провел в четырех стенах. Он не ел, не пил, только смотрел в окно на то, как небо затягивается свинцовыми тучами. «Она права», – шептал внутренний голос. – «Ты обуза. Ты сломанная игрушка. Артем даст ей уверенность, походы, танцы. А ты дашь ей только рецепты и страх».

Он достал из шкафа свою папку с документами. Лист ожидания. Группа крови, фракция левого желудочка 57%, а правого 21%. Этот листок был его единственной связью с будущим, и в то же время он был его приговором. Марк сорвал со стены календарь и швырнул его в угол. Время для него замерло. Он чувствовал себя живым мертвецом, который случайно забрел на праздник жизни и испортил всем настроение.

Вечером пришла мать.

Она ничего не спрашивала, просто молча поставила перед ним тарелку с ужином и положила на стол таблетки.

– Катя звонила на домашний, – тихо сказала она. – Я сказала, что ты спишь.

– Правильно сказала, – ответил Марк, глядя в пустоту. – Я сплю. И лучше бы мне не просыпаться, пока этот кошмар не закончится.

Глава 9: Золотое затишье и клятва у воды

Два дня тишины. Два дня, за которые Марк успел возненавидеть весь мир и себя самого. Но на третий день август решил сделать ему подарок. Жара внезапно спала, сменившись мягким, ласкающим теплом. Воздух стал прозрачным, как в горах, и небо над Осиповичами приобрело глубокий, почти сапфировый оттенок.

Марк сидел на крыльце, когда калитка скрипнула. Это была Катя. Она выглядела изможденной: под глазами тени, волосы небрежно стянуты в узел. В руках она держала ту самую книгу Брэдбери, которую он оставил под ивой.

– Я не могу так больше, Марк, – сказала она, останавливаясь в паре метров. – Если мы сейчас не поговорим, я просто сойду с ума. Либо я, либо мое сердце – кто-то из нас точно не выдержит этой тишины.

Марк встал. Гнев улетучился, оставив после себя только серую, липкую тоску.

– Поедем на озеро? – спросил он. – Подальше от всех. От Артема, от города, от этих сплетен.

Они взяли старые велосипеды. Марк ехал медленно, прислушиваясь к каждому удару в груди. Путь к лесному озеру лежал через сосновый бор. Здесь пахло хвоей и смолой, и под колесами хрустели шишки. Природа жила своей жизнью, равнодушная к человеческим драмам, и это успокаивало.

На озере было безлюдно. Вода была гладкой, как зеркало, в котором отражались засыпающие облака. Они арендовали старую лодку у сторожа – деда Матвея, который только кивнул им, не отрываясь от починки сетей.

Марк медленно греб. Вёсла с тихим всплеском входили в воду, оставляя за собой расходящиеся круги. Катя сидела на корме, опустив руку за борт.

– Прости меня за Артема, – тихо сказала она. – Я просто... я правда в отчаянии, Марк. Врачи в больнице наговорили мне столько ужасов. Про то, что ИКД – это не панацея, что сердце изнашивается. Я хотела, чтобы у тебя была страховка. Даже такую паршивую, как Артем.

– Я знаю, – Марк перестал грести, и лодка лениво закружилась на месте. – И ты прости. Я просто... я так боюсь потерять тебя, Катя. Я боюсь, что однажды ты согласишься на меня и увидишь не парня, а медицинскую карту. Что тебе надоест ходить по аптекам вместо дискотек.

Катя перебралась к нему на середину лодки. Она взяла его лицо в свои ладони. Её пальцы пахли озерной водой и лесом.

– Послушай меня внимательно, Марк из Осиповичей. У меня есть подруги, у которых «здоровые» парни. Один пьет, другой изменяет, третий не может связать двух слов. Ты – единственный, кто заставляет меня чувствовать, что жизнь имеет смысл. Твои «запчасти», как ты их называешь – это часть тебя. И я люблю всё вместе. Целиком.

Она прижалась ухом к его груди, прямо поверх футболки.

– Слышишь? Оно бьется. Оно борется. И я буду бороться вместе с ним. Чтобы ни случилось. Даже если завтра нам скажут, что надежды нет – мы проживем этот день так, чтобы боги нам позавидовали.

Марк обнял её, вдыхая запах её волос. В этот момент он почувствовал себя по-настоящему сильным. Не той грубой силой, которой хвалился Артем, а другой – внутренней, тихой силой человека, которому есть ради чего жить.

Весь остаток дня они провели на берегу. Они жгли маленький костер, пекли картошку в золе и мечтали. Марк рассказывал ей про Минск, про ребят из «Клуба разбитых сердец», про Дениса, который обещал взять его на рыбалку, когда всё закончится. – Мы поедем в горы, Катя, – шептал он, глядя на звезды. – Я прочитал, что там воздух такой чистый, что сердце начинает работать само, без всяких таблеток. Мы будем стоять на вершине, и я буду кричать так громко, что меня услышат в Осиповичах.

– Я буду кричать вместе с тобой, – смеялась она.

Это было абсолютное, кристальное счастье. Разгрузка, о которой Марк мечтал все эти шесть лет. Он почти забыл о шраме, о 15 таблетках, о том, что его фракции выброса правого желудочка которая едва достигает 22 процентов. Он чувствовал себя бессмертным.

Они возвращались в город уже в темноте. Звезды над головой казались огромными и яркими.

– Завтра первое сентября, – сказала Катя у его подъезда. – Новая страница. Пообещай мне, что ты будешь осторожен.

– Обещаю, – Марк поцеловал её. – Завтра будет отличный день. Я чувствую это.

Он зашел домой с улыбкой на лице. В квартире было тихо. Мать уже спала.

Марк подошел к окну и долго смотрел на горизонт, где изредка вспыхивали далекие зарницы. Воздух был наэлектризован, пахло озоном, но Марк не обратил на это внимания. Он приписал это надвигающейся грозе.

Он лег в постель, всё еще ощущая тепло Катиных рук. Он заснул мгновенно, погружаясь в сон, где он бежал по полю, и его дыхание было легким, как ветер.

Он не знал, что Цербер внутри него уже начал свой обратный отсчет. Что через несколько часов тишина его комнаты взорвется пурпурным пламенем, а его «золотое затишье» обернется самым страшным испытанием – электрическим штормом в семь кругов ада.

Лето заканчивалось. Начиналась битва за жизнь.

«Жизнь – это не прямая линия на мониторе, это кардиограмма: взлеты, падения и неизбежная прямая в конце. Вопрос лишь в том, насколько громким будет твой ритм, пока ты еще здесь».

Глава 10: Электрический шторм. Семь кругов пепла

«Предохранитель не спасает от взрыва, он просто откладывает его на тот момент, когда ты будешь меньше всего к нему готов». — **Дани Кейн**

Сентябрь: Золотая пыль и ложная вера

Первое сентября в Осиповичах всегда пахло одинаково: подгоревшей на солнце листвой, дешевым одеколоном школьников и той особой, тревожной прохладой, которая заползает под куртку, напоминая – тепло закончилось. Но для Марка этот день начался с тишины. Странной, вакуумной тишины в груди.

Он проснулся в шесть утра от того, что в квартире было неестественно душно. Окно было открыто настежь, но воздух казался застывшим студнем. Марк сел на кровати, привычно потянувшись к тумбочке за тонометром. Рука наткнулась на фотографию Кати – ту самую, с фестиваля Холи, где она смеется, а её лицо в пурпурных разводах.

– 120 на 80, – прошептал он, глядя на экран прибора через десять минут. – Космонавт.

Весь сентябрь прошел под знаком этой «космической» удачи. Марк чувствовал себя так хорошо, что иногда забывал выпить дневную порцию таблеток. Одышка отступила, оставив лишь легкое покалывание при подъеме на третий этаж. Они с Катей гуляли по парку, собирали кленовые листья, которые в этом году были неприлично яркими – кроваво-красными и лимонными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.